

Žakova, Natal'ja Kirillovna

Тютчев в чешском восприятии на грани XIX и XX веков

In: *Moderna - avantgarda - postmoderna*. Kšicová, Danuše (editor); Pospíšil, Ivo (editor). 1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 2003, pp. 161-165

ISBN 8021031182

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/132612>

Access Date: 29. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ТЮТЧЕВ В ЧЕШСКОМ ВОСПРИЯТИИ НА ГРАНИ XIX И XX ВЕКОВ

Н. К. ЖАКОВА (С.-ПЕТЕРБУРГ)

Отношение к Тютчеву в Чехии на протяжении XIX в. не было единым и однозначным, претерпевая определенные изменения от десятилетия к десятилетию.

Поначалу, еще при жизни поэта, его воспринимали как певца славянской взаимности и славянского единства, что было связано с выступлениями Ф.И.Тютчева перед славянскими гостями в Петербурге и Москве весной 1867 г. во время славянского съезда. Его знаменитые обращения к славянам “Привет вам задушевный, братья” и “Они кричат, они грозятся” были сразу переведены Э. Ваврой и в те же дни опубликованы в газете “Народни новины”.¹ В ту пору никто еще не знал Тютчева-лирика.

В 70-80-е годы XIX в. в Чехии начинается постепенное знакомство с лирическим наследием Тютчева. Отдельные переводчики публиковали по 2-3 его стихотворения в разных журналах. При этом его представляли как одного из русских или одного из славянских поэтов, – его стихи входили в подборки, озаглавленные “Из русской поэзии”, “Из поэзии славянской”, “Из русской лирики” и т.д., по 2-3 стихотворения включались в антологии русской поэзии (1874 и 1885 гг.).²

В 1887 г. появляется первая биография поэта, опубликованная Р.Покорным в газете “Народни листы” параллельно с биографией А.С.Хомякова. Покорный приводил в своей статье слова Некрасова, касающиеся творчества Тютчева, и писал, что с восторженной похвалой отзывался о Тютчеве И.С.Тургенев, авторитет которого в чешском обществе был тогда очень высок.³

Новую эпоху в познании жизни и творчества Тютчева у чехов составил сезон 1899-1900 гг., когда его начинает пропагандировать журнал “Словански пршеглед”. На страницах журнала за эти годы трижды появлялось имя Тютчева. Первый раз в разделе “Известия из славянских земель” была помещена заметка, посвященная “двадцатилетию” со дня смерти русского поэта (здесь была допущена ошибка – прошло уже 26 лет со дня его кончины). Важно то, что в ней Тютчев был назван “пер-

¹ Národní noviny. 1867.

² Жакова Н.К. Тютчев и чехи // Общение литератур: Чешско-русские и словацко-русские литературные связи XIX и XX вв. М., 1991. С. 126.

³ Tůtčev – Chomjakov / Piše R.Pokorný // Národní listy. 1887. Č. 103. S. 1.

вым русским поэтом послепушкинской поры” и что большую часть заметки занимал развернутый отзыв о поэзии Тютчева, принадлежащий все тому же И.С.Тургеневу. Автор заметки (судя по сокращению ŠK, им был чешский писатель и активный переводчик с русского К.Штепанек, будущий создатель большой статьи о Тютчеве в Оттовском научном словаре) приводил солидный отрывок из статьи Тургенева “Несколько слов о стихотворениях Ф.И.Тютчева” (“Современник”, 1854, № 4), где говорилось о значении Тютчева – “одного из самых замечательных русских поэтов”, на котором “лежит печать той величины эпохи, к которой он принадлежит и которая так ярко и сильно выразилась в Пушкине; в нем одном замечается та соразмерность таланта с самим собою, та ответственность его с жизнью автора – словом, хотя часть того, что в полном развитии своем составляет отличительные признаки великих дарований”. И далее: “Самые короткие стихотворения г. Тютчева почти всегда самые удачные. Чувство природы в нем необыкновенно тонко, живо и верно; но он, говоря языком, не совсем принятым в хорошем обществе, не выезжает на нем, не принимается компоновать и раскрашивать свои фигуры... Кроме всего этого, в г. Тютчеве заметен тонкий вкус – плод многостороннего образования, чтения и богатой жизненной опытности. Язык страсти, язык женского сердца ему знаком и дается ему”.

Второе упоминание имени Тютчева за этот год содержалось в обзоре русской литературы за 1899 год, где говорилось: “На фоне незначительных успехов русской поэзии конца века наибольшее впечатление производит прекрасно изданная книга “Стихов” Ф.И.Тютчева”.

Наиболее серьезной, можно сказать, программной, была третья публикация, подготовленная крупнейшим пропагандистом русской поэзии, литературы и культуры, поэтом, переводчиком и теоретиком перевода этой поры Франтишеком Таборским.⁴ Она состояла из вступления и 15 стихотворений Тютчева в его переводах. Впервые Тютчев предстал перед чешским читателем в таком объеме, но главное, выбор этих стихотворений помогал ощутить и глубину натурфилософских поэтических размышлений раннего Тютчева, и значительность его зрелого творчества, когда он стал глашатаем и выразителем русской идеи, а также вспомнить о славянофильских симпатиях русского поэта. Эта публикация не могла пройти в Чехии незамеченной не только благодаря своей масштабности, не только потому, что давала ясное представление о размахе дарования русского поэта, но главным образом потому, что настроения и мотивы лирики Тютчева оказались сродни той атмосфере, которая царил в чешском поэтическом творчестве на грани XIX и XX веков.

⁴ Slovanský přehled, II. 1899-1900. S. 401-408.

Чешская поэзия этого времени была полна декадентской тоски по утраченной гармонии мира, в ней преобладали настроения одиночества и покинутости человека, чувства отчужденности и страха перед открывшеюся бездной, стремление уйти в мир своей мечты, в грезах и собственном сердце найти опору, возможность выразить себя, слиться с неисчерпаемым и трудновыразимым, тем, чем живет душа. Мироощущению чешских символистов О.Бржезины и К.Главачека, импрессиониста А.Совы, неоромантика Ю.Зейера и других была необычайно созвучна лирика Ф.И.Тютчева и те его стихотворения, которые предлагал читателю Ф.Таборский, с такими вот строками:

Час тоски невыразимой!..

Все во мне, и я во всем...

(“Тени сизые сместились”, 1836)

И человек, как сирота бездомный,

Стоит теперь и немощен и гол

Лицом к лицу пред пропастью темной...

(“Святая ночь на небосклон взошла”, 1848-49)

Мир бестелесный, слышный, но незримый

Теперь роится в хаосе ночном?..

(“Как сладко дремлет сад темно-зеленый”, 1836)

Былое – было ли когда?

Что ныне – будет ли всегда?..

Оно пройдет –

Пройдет оно, как все прошло,

И канет в темное жерло

За годом год.

(“Сижу задумчив и один”, 1836)

В публикации Таборского интересна не только эта актуальность звучания Тютчева в Чехии на грани веков. Глубоко знаменательна и вступительная часть, предворяющая стихи Тютчева. Таборский просто-напросто приводит два отзыва о русском поэте. Один – это все те же слова Тургенева, появляющиеся уже в третий раз в чешской печати, но только в новом переводе самого Таборского, а второй – это высказывание Владимира Соловьева из последней части его статьи “Ф.И.Тютчев”, напечатанной в 1895 г. в журнале “Вестник Европы”, а через год включенной в его книгу “Философские течения в русской поэзии”.

Какой же отрывок цитирует Таборский? Приведем его полностью – чтобы уяснить, какое понимание творчества Тютчева приносилось в сознание чешского читателя: “Как во всей природе наш поэт признавал

живую душу, которою держится единство и целость мира, подобным же образом он признавал и живую душу человечества и видел ее – в России. Как, по словам одного учителя церкви, душа человеческая по природе христианка, так Тютчев считал Россию по природе христианским царством. Так как смысл истории в христианстве, то Россия, как страна по преимуществу христианская, призвана внутренне обновить и внешним образом объединить все человечество.

Для Тютчева Россия была не столько предметом любви, сколько веры – “в Россию можно только верить”. Личные чувства его к родине были сложны и многоцветны. Было в них даже некоторое отчуждение, с другой стороны – благоговение к религиозному характеру народа: “всю тебя, земля родная, - в рабском виде Царь Небесный – исходил благословляя”, - бывали в них, наконец, минутные увлечения самым обыкновенным шовинизмом.

Тютчев не любил Россию той любовью, которую Лермонтов называет почему-то “странной”. К русской природе он скорее чувствовал антипатию... Его вера в Россию не основывалась на непосредственном органическом чувстве, а была делом сознательно выработанного убеждения... Эта вера в высокое призвание России возвышает самого поэта над мелкими и злобными чувствами национального соперничества и грубого торжества победителей. Необычно у патриотических певцов гуманностью дышат заключительные стихи, обращенные к Польше (из стихотворения “На взятие Варшавы”).

Позднее – вера Тютчева в Россию высказывалась в пророчествах более определенных... что Россия делается всемирною христианскою монархией...

Великое призвание России предписывает ей держаться единства, основанного на духовных началах; не гнилою тяжестью земного оружия должна она облечься, а “чистою ризою Христовою”.

После этих слов без всяких комментариев помещены стихи Ф. И. Тютчева, причем именно те из них, на которые обращал внимание в своей статье В. Соловьев: 9 стихотворений философско-медитативной лирики, включавшие известные уже чехам по прежним публикациям одно из самых глубоких философски обобщенных и проникновенно русских стихотворений “Слезы” (1849) и подобные горестному вздоху исстрадавшейся души строфы “О вещь душа моя!” (1855) с заключительными строками “Душа готова, как Мария, К ногам Христа навек прильнуть”; 3 стихотворения, раскрывающие тему России, которые цитировал Соловьев (“Эти бедные селенья”, 1855; “Над этой темною толпой”, 1857 и “Умом Россию не понять”, 1866), а также 3 стихотворения,

посвященных славянству (“Два единства”, 1866; “Славянам”, 1867 и “Гус на костре”, 1870).

Здесь перед нами возникает вопрос о причинах обращения Таборского к В.Соловьёву. Обращается ли он к нему как к известному русскому поэту и философу конца XIX столетия, авторитетному автору, пользующемуся славой признанного главы русских символистов? Или же Таборский как знаток России и русской литературы хочет познакомить чешскую публику с Вл.Соловьёвым потому, что в Чехии о нем знают еще недостаточно? Думается, что вернее второе предположение. Таборский и здесь выступает популяризатором русской темы. Если мы попытаемся проследить по чешской периодике, когда в Чехии заговорили о Вл.Соловьёве, то окажется, что Таборский первым (или одним из первых) вводит в круг чешского чтения это имя. Видимо, это одно из первых высказываний русского философа, появившихся в чешской печати. Остальные чешские авторы начали писать о Вл.Соловьёве позднее. Так, в 1901 г. в журнале “Ческа мысль” появилась статья Й.Микша “Русская философия В.С.Соловьёва”. Одна из пропагандисток творчества Соловьёва Анна Тескова, исследовавшая этот вопрос, тоже называет 1901 год как год, когда появилось первое упоминание о русском мыслителе в чешской литературе. По ее мнению, это статья польского автора М.Здеховского “Владимир Соловьёв и славянофильство” в журнале “Слованский пршеглед”.⁵

Итак, примечательным является тот факт, что на грани XIX и XX вв. Тютчева чешским читателям представляли в трактовке В.Соловьёва и что эта публикация Таборского – одно из первых свидетельств о В.Соловьёве на чешском языке.

⁵ Slovanský přehled, XVIII. 1926. S. 501.

